В108 742

Л. СЕРГЕЕВ

На защите города Ленина

РЕДИЗДАТ АЭРОФЛОТА
МОСКВА 1943

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА

ГРАЖДАНСКИЙ ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В108 742

А. Сергеев

НА ЗАЩИТЕ ГОРОДА ЛЕНИНА

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ АЭРОФЛОТА

Москва 1943

2 экз.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

779166

КОГДА-НИБУДЬ люди будут спрашивать:
— Как устоял Ленинград?

Они узнают, что славный город выстоял перед напором бронированных орд Гитлера, не согнулся под тяжестью блокады благодаря смелости, мужеству, благородству и отваге сотен тысяч людей различных военных и гражданских специальностей. Благодаря отваге танкистов и дерзкой смелости саперов, благодаря стойкости пехотинцев и мужеству артиллеристов, благодаря соколиной смелости летчиков — истребителей, штурмовиков, бомбардировщиков...

Потомки с восхищением, с гордостью будут вспоминать имена героев ленинградской обороны, и среди многих достойных имен будут имена летчиков Гражданского воздушного флота.

Были дни, когда судьба великого города, судьба его защитников и граждан, казалось, висела на одной, туго натянутой нити — и этой нитью была трасса транспортных самолетов, линия, начертанная в сумрачном небе смелыми летчиками. Эта линия вела из центра страны через Ладожское озеро в город Ленина. Вот рассказ, который может дать представление о том, как жили и работали люди героической трассы.

...Головным в караване самолетов шел Чернышев. Пилот вел свою тяжелую машину над самыми верхушками деревьев. Восемь воздушных кораблей стремительно неслись над лесами и полями, пробиваясь в Ленинград. Они везли в город Ленина необходимый ему груз. Четыре истребителя охраняли их полет.

— Над озером неладно, — сказал второй пилот Чернышеву.

Впереди уже сверкала гладь Ладожского озера, и Чернышев ничего не ответил второму пилоту, только насупил брови.

Над озером шел бой. В осеннем ясном небе бешено кружились, падали и вновь взмывали вверх к облакам десятки самолетов. Выстрелы зенитных орудий, треск пулеметов на берегах, судах и в небе, вой десятков моторов, работающих на повышенных оборотах, грохот разрывающихся бомб, пароходные гудки и завывание сирен сливались в один непрерывный гул.

И в эту карусель боя врезался караван транспортных воздушных кораблей.

Чернышев прижался к воде и дал форсированные обороты моторам. Его машина неслась над водой со скоростью, превышающей крейсерскую на 50—60 километров. Нужно было сократить время полета над озером, где каждая секунда могла принести гибель.

Чернышев видел завесу огня над западным, еще невидимым берегом озера, к которому стремился, выжимая из моторов предельную скорость. Он видел, как истребители охранения ринулись наперерез атакующим мессершмиттам, как они завертелись в смертельной схватке. Он взглянул на часы.

«Остались без охраны, а лететь еще пять минут»...

Он видел, как совсем близко от него врезался в воду и развалился на части вражеский бомбардировщик.

Его тревожило только одно — он не видел, что делалось сзади. А именно оттуда и пришла опасность. Чернышев увидел на воде впереди себя лунки от пуль и круги от снарядов мелкокалиберной пушки. Он понял — бьют по его кораблю с пикирования. Еще мгновение — и свинец прострочит большое тело самолета, ударит по моторам... И это мгновение Чернышев использовал с необычайным спокойствием и мастерством. Он изменил скорость и чуть ушел в сторону, искусно, едва не задевая воду плоскостью, накренив машину при развороте.

Ливень свинца прошел мимо, взбудоражив и вспенив воды озера. Мессершмитт, выходя из пике, с воем проскочил мимо Чернышева и, набирая высоту, снова попал под огонь советских истребителей.

Показался берег. Он ощерился десятками выстрелов. Там сверкали орудийные вспышки, оттуда неслись ленты трассирующих пуль. Еще несколько секунд, и свои же батареи могут расстрелять караван.

Чернышев схватил ракетницу, открыл створку колпака кабины. Две красных ракеты взметнулись в воздух. И вдруг на узком пространстве чернеющего впереди берега прекратились орудийные вспышки.

— Дали проход! — крикнул второй пилот.

— Вижу, — ответил Чернышев.

Он поднял самолет над берегом, и волна воздуха закачала его над лесом.

Караван прошел озеро без потерь...

Таков был один из сотен полетов в те дни, когда единственной артерией, питающей героический город, была воздушная трасса.

Стояла суровая зима. Не работал водопровод, застыли трамваи, люди сидели без света и дров. Улицы прекрасного города тонули в сугробах снега. Воду брали из каналов и рек. Фашистские вандалы сбрасывали бомбы на госпитали, музеи, школы, на жилые дома.

Каждый грамм хлеба расценивался, как грамм золота. Пищу берегли, как живую кровь, как энергию бойца.

Каждый самолет, прорвавшийся сквозь блокаду и доставивший в Ленинград продукты питания, вселял надежду в сердца бойцов, укреплял оборону города. Ленинградец видел проносившийся над крышами пригородных дач транспортный самолет, крепче сжимал винтовку и говорил:

— Выстоим!

Шли над Ладожским озером караваны воздушных кораблей. Фашисты старались сорвать рейсы самолетов. Над Ладогой, скрываясь в облаках от советских истребителей, дежурили звенья стервятников...

Однажды несколько звеньев стервятников напало на караван транспортных самолетов, шедших над бурным озером. Охраняющие истребители бросились в бой, но вражеских машин было слишком много. Они яростно атаковали транспортные машины. Загорелись самолеты Овсянникова и Михайлова, было разбито хвостовое оперение у самолета Мухина. Гитлеровские ассы видели, как пылали два самолета, как третий, почти потерявший управление, едва держался над водой. Но пираты не знали советских людей, ведущих эти самолеты. Они не

видели, как все три подбитых машины приземлились на аэродроме и как молниеносно были потушены пожары.

Много раз тяжелые самолеты Литвинова, Попова, Александрова, Чернышева и других пилотов пролетали по этой магистрали, много раз они встречались за Ладогой и над озером, и у самого Ленинграда с истребителями врага. Но целый год они летали без потерь в личном составе экипажей и без потерь в материальной части. Пробоины в плоскостях их самолетов, быстро заделывавшиеся авиатехниками, свидетельствуют о том, в какие трудные переделки приходилось попадать этим бесстрашным людям.

Ленинград требовал оружия — и самолеты срочно доставляли его. Пилоты тт. Литвинов, Новиков, Попов, Раздорский, Моисеев без отдыха, часто без еды и сна совершали по 5—6 рейсов в день на скоростных транспортных самолетах и доставляли защитникам города оружие, бутылки с горючей жидкостью, боеприпасы и т. д. Эти летчики, например, в сентябре 1941 г. только в течение трех дней доставили в Ленинград около пятнадцати тысяч винтовок, пулеметов, автоматов. Оружие было немедленно использовано для обороны Ленинграда.

Весной, когда снежная дорога на озеро растаяла, но вода еще не очистилась от льда, когда почва на ленинградских аэродромах размокла и самолеты не могли там садиться, авиация все же не прекратила своей деятельности. Пилоты Ропаев и Александров каждую ночь летали в Ленинград на легких самолетах, доставляя почту, приказы командования, газеты. В светлые весенние ночи они летали без охранения, под самым носом фашистских захватчиков и сбрасывали груз на парашютах. Чтобы больше брать груза в каждый рейс, они под плоскостью своих машин поставили бомбодержатели, к которым подвешивали пакеты с почтой и газетами. Они шли в рейсы через озеро на перегруженных, потерявших нормальную скорость самолетах, и ни плохая погода, ни враг не могли сорвать их рейсов.

Представим себя в один из сумрачных зимних дней прошлого года на том снежном поле на окраине Ленинграда, где было выложено посадочное «Т» для самолетов ГВФ и где замыкалась воздушная магистраль.

... Самолет идет на посадку. Громадная машина выплывает из-за леса, проносится над деревенькой и повисает над снежным полем. Вот она плавно коснулась земли.

Вслед за первой над аэродромом появляется вторая машина, третья, четвертая. Караван воздушных кораблей прорвался сквозь блокаду в Ленинград.

Еще первый самолет катится по земле, а бригадиры грузчиков тт. Угаров, Митюшкин, Самохвалов, Романов, Ерцев уже разводят бригады по самолетам. Люди работают молча. Растут штабеля ящиков на снегу. Дорога каждая секунда.

Ответственный дежурный Мельников руководит разгрузочными работами. Разгрузка кончена, и он смотрит на часы:

— Двадцать минут.

Бригады грузчиков отходят в лес. Лица потные. Махорочный дым тянется на морозном воздухе вверх. С облачного неба доносится воющий гул вражеского самолета.

— Ищет, — говорит Романов. — Бросай курить.

К стоянкам самолетов подкатили полуторатонки. Сейчас они доставят груз адресату — городу, который начинается за этим подступавшим к аэродрому леском. Окурки цыгарок летят в снег и тщательно затаптываются сапогами.

Пока шла выгрузка, авиатехники Вишня и Александров осматривали самолеты. Вот они уже докладывают инженеру Сальникову:

— Самолеты осмотрены, к рейсу готовы.

Воющий гул приближается, но никто не смотрит на облака. В небо взмывают истребители. Они ходят кругами, поджидая врага.

Через летное поле мчатся полуторатонки. На платформах люди. Машины веером разъезжаются к самолетам. Теперь слово и действия принадлежат начальнику отдела перевозок Кулешову. Он быстро идет от самолета к самолету и передает бортмеханикам списки.

— Двадцать пять человек. Проверьте лично.

Посадка проходит быстро. Друг за другом поднимаются по металлической лесенке в кабину самолета люди

с маленькими чемоданчиками в руках. Лица их сосредоточены. Рука, держащая чемоданчик с личными вещами, десятки лет держала суппорт токарного станка или кронциркуль.

Зеленая ракета взвивается над полем, и почти одновременно начинают работать моторы всех самолетов. Вот они медленно сползают со стоянок и выходят на старт. Вот уже стартер Ершов — единственный человек, находящийся в центре поля, не сходящий со своего поста по 10—14 часов в сутки, обдуваемый морозными ветрами, — поднимает флаг. Сейчас вся эскадрилья тяжелых машин слушается взмахов его руки. И Ершов, посылая в небо машину за машиной, следит за облаками, в которых прячется стервятник. Истребители охранения широкими кругами ходят над аэродромом...

Враг стремился во что бы то ни стало сорвать работу летчиков, отрезать последнюю магистраль, питающую город. Он часто делал налеты на аэродром. Рвались бомбы. Свистели пули. Но люди стойко и спокойно переносили шквал огня. Их нельзя было запугать, нельзя было бомбами сломить их большевистскую волю.

Неисчерпаемым источником энергии служили для них великое чувство долга и незыблемая стойкость ленинградцев.

Однажды фашисты нагрянули на аэродром в момент разгрузки машин. Начали бомбить. Люди не побежали. Еще вздыбленная земля металась в воздухе, а люди уже приступили к работе и возобновили разгрузку.

Во время бомбежки телефонист Трусов был на линии. Он лег у телеграфного столба. Его оглушило взрывом, засыпало землей. Он встал, стряхнул землю и, хоть не кончился еще налет, продолжал проверку линии.

* * *

Но помощь летчиков не ограничивалась перевозками. Она дополнялась активными боевыми действиями. Отряд под командованием коммуниста лейтенанта Степанова с конца марта стал совершать регулярные боевые вылеты и уничтожал огневые точки противника, обстреливавшие Ленинград.

...С черного поля при свете нескольких фонарей уходили в ночь нагруженные бомбами самолеты.

В одну из ночей над землей бродил рваный туман. Летать было нельзя, уже на высоте двух метров самолет входил в серое месиво непроглядного тумана. Враг воспользовался такой погодой, и одна из его дальнобойных батарей вела интенсивный обстрел Ленинграда. В штаб отряда поступил приказ подавить батарею врага.

Командир вышел на крыльцо. Ракета, ярко вспыхнув, взлетела вверх. Командир следил за ее полетом. Взбираясь вверх, ракета таяла, расплывалась, меркла. Туман. Где-то далеко бухали орудия. Степанов вернулся в штаб и вызвал пилотов к самолетам.

Друг за другом ушли в туманную ночь самолеты Волкова, Долгалева, Булавинцова, Силина. На высоте нескольких сот метров Волков потерял землю. Внизу клубился серый туман, сверху давили черные, набухшие снегом облака.

Подлетая к цели, он сбавил обороты мотора, приглушившего рев, и стал пикировать. Тихо журчал винт, ветер свистел в плоскостях. Тонкий слух Волкова уловил глухие удары тяжелых орудий. Снаряд за снарядом посылали фашисты в Ленинград. Снаряды рвались сейчас на широких проспектах Васильевского острова, Петроградской стороны, дырявили стены музеев и дворцов, разрушали квартиры мирных жителей.

Волков не видел вспышек выстрелов, не мог найти батарею. Но он не желал вернуться назад, не выполнив задания. Он упорно летал кругами, искал просвета. Иногда, планируя с приглушенным мотором, он слышал удары орудий. Надо было уходить на запасную цель и там бомбить по квадрату. Но Волков упрямо кружил в районе батарей.

«Выжду», — думал он.

Внизу, скрытые туманом, лежали знакомые парки Нового Петергофа, Гатчины, Слуцка, Детского Села. Там были враги.

«Не уйду», — упрямо думал Волков.

Он летал над логовом зверя, не боясь его, презирая и ненавидя. Он искал прорыва в тумане и нашел его.

Сквозь разорванный туман он увидел родную землю, распознал любимый парк, в котором десятки раз гулял, отдыхал в выходной день. Он увидел, наконец, вспышки орудийных выстрелов.

«Вот вы где, мерзавцы...»

Спокойствие овладело Волковым. Ни одна посторонняя мысль не тревожила его. Он рассчитывал хладнокровно и методично. Артиллеристы, оглушенные грохотом орудий, не слышали приближения самолета. Волков бомбил по вспышкам, как днем по видимой цели. Он сбросил весь свой бомбовой груз на батарею. Потом ввел самолет в глубокий вираж, чтобы видеть взрывы. Бомбы упали точно, и взрывы слились с последними огневыми вздохами орудий.

Слишком поздно залаяли вслед Волкову мелкокалиберные пушки и своры пулеметов. Самолет шел над туманом, и пилот, усмехаясь, смотрел на трассирующие пули, выбегающие из тумана далеко в стороне от самолета...

— Бомбы сброшены в цель, — доложил он командиру.

— И батарея подавлена, — добавил Степанов. — Уже имеем сведения.

За короткое время летчики сделали 506 вылетов с бомбовым грузом. Они уничтожили 24 дальнобойных вражеских батареи, сожгли 7 складов с артиллерийскими снарядами, подавили 2 батареи мелкокалиберной зенитной артиллерии, вызвали своими налетами 16 пожаров в расположении врага и доставили нашему командованию много ценных разведывательных данных.

* * *

В тылу врага, рвавшегося к Ленинграду, действовали наши части. Им нужна была связь. Нужны были снаряды, сухари, консервы. Нужна была консервированная кровь для раненых. Им нужна была поддержка, и от них надо было вывозить бойцов и командиров, нуждавшихся в лечении, в спокойной обстановке тылового госпиталя.

Эту работу самоотверженно выполняли наши летчики. Днем, и особенно ночью, уверенно пересекали они

линию фронта, прорывали завесу зенитного огня, уходили от преследования немецких истребителей и, разыскав в болотах, среди снегов, в тумане ту лесную поляну или безымянное озеро, на котором был устроен импровизированный аэродром, садились среди грозящих гибелью скал или деревьев с грузом гранат, консервов, писем, медикаментов.

Чтобы летать на транспортной машине во вражеский тыл, нужны не только мастерство и опыт, но и беззаветное мужество, преданность долгу.

В июне прошлого года одна наша часть, бившая немцев в их тылу, в результате попадания вражеской бомбы лишилась своей радиостанции. Связь была утеряна.

Новую радиостанцию должен был доставить на самолете У-2 комсомолец Хотин.

Была белая ночь без единого облачка на небе, когда Хотин ушел в воздух искать за чертой фронта группу наших войск.

Он прошел через шквалы огня линию фронта, но когда вел на посадку свою легкую машину, фашистский истребитель, подкравшийся сзади, расстрелял его из своих пулеметов и пушек. Самолет Хотина упал на поляне в расположении наших войск. Командир соединения вынул из бокового кармана Хотина пакет, облитый кровью героя-пилота.

Комсомолец Хотин погиб смертью храбрых, погиб, до последнего вздоха думая о выполнении полученного приказа.

При падении самолета радиоаппаратура была разбита. Соединение, получив приказ штаба фронта, все же не имело с ним постоянной связи. Необходимо было во что бы то ни стало забросить соединению радиостанцию.

На другой день по маршруту погибшего Хотина полетел с радиостанцией на борту пилот Апушкин.

Он сказал перед вылетом:

— Я не знал Хотина, но этот полет посвящаю его славной памяти.

Апушкин взял курс на запад. Он достиг облаков на высоте двух тысяч метров и летел над ними, готовый при появлении немецкого истребителя нырнуть в облака и перейти на слепой полет. Внизу свинцовой ленточ-

кой легла река. По реке проходил фронт. Апушкин сел поудобнее, проверил рули, попробовал мотор на полных оборотах.

Десятки орудий ударили одновременно. Впереди по курсу выросла стена разрывов. Розовые вспышки освещали облака, и черный дым был хорошо виден на их фоне. Фонтаны светящихся пуль лениво описывали в небе дуги и, угасая, падали на землю.

Вглядевшись в разрывы, Апушкин определил, что фашисты стреляют на звук мотора и не видят самолета. Он еще подобрал высоту и достиг облаков.

— С курса не сойду, — сказал он вслух.

Когда самолет приблизился к зоне заградительного огня, когда снаряды стали рваться в непосредственной близости от самолета, качая его волнами разрывов, Апушкин точно выдерживал курс. Он сбавил обороты и приглушил мотор. Планируя, он снова вывалился из облаков. Потеряв звук мотора, враги растерялись. Интенсивность огня несколько упала. Апушкин благополучно проскочил опасную зону и снова дал полный газ мотору.

Стало жарко за эти несколько минут. Апушкин поднял очки на лоб и пальцами потер взмокшую переносицу.

...Через три минуты должна быть цель. Вот в стороне блеснуло озеро. На берегах его засели фашисты. К северу тянется черный, почти сплошной массив леса. Здесь должна быть поляна. Апушкин еще раз смотрит на часы — поляна должна быть под самолетом. Он напрягает зрение и вдруг резко отводит ручку от себя.

Самолет клюет носом вниз, пикирует. Все больше и больше нарастает скорость, ветер свистит в плоскостях, в расчалках, машина трясется как в лихорадке и стремительно несется к земле.

Хотин погиб, теряя высоту. Его поймал стервятник, когда Хотин отлогими виражами спускался вниз. Апушкин давит на ручку. Он метеором проносится пятьсот метров, и в тот момент, когда напряжение становится предельным, когда машина вот-вот начнет разваливаться на куски, Апушкин выводит ее из пике. Он уверенно работает ручкой и педалями, вводит самолет в глубокую спираль. Земля ходит каруселью и, вертясь, стремительно приближается к самолету.

В нескольких десятках метров от земли Апушкин выравнивает машину и круто разворачивается на огонек, вспыхнувший на полянке.

Вот она, земля! Она как море покачивается под крыльями, послушно бежит под колеса, останавливается и замирает. Тишина окружает Апушкина.

К нему бегут люди, кто-то вскочил на крыло, кто-то жал ему руку и что-то говорил, а Апушкин смеялся от радости и, обессилевший от напряжения, не замечал окружающих и думал о Хотине:

«Ты, Хотин, погиб. Если бы погиб я, пошел бы третий, четвертый, пятый. Но задание было бы выполнено».

Так была восстановлена связь.

* * *

Среди ленинградских летчиков ГВФ заслуженную славу завоевал отважный водитель большого транспортного корабля майор Василий Литвинов. Это он совершил героический полет на осажденный фашистами советский остров Даго, где самоотверженно боролся и ждал помощи маленький гарнизон. Литвинов вслепую летел на сухопутной машине над морем; он проделал пятисоткилометровый путь, точно достиг цели и доставил груз, а в обратный рейс взял с острова женщин, детей, раненых.

Василий Литвинов оказал Красной Армии и городу-герою немало боевых услуг. Описанию всех его приключений в воздухе нужно было бы посвятить много страниц. Вот случай, который произошел однажды на его самолете.

Литвинов отправился в полет, имея на борту одиннадцать парашютистов. Бортмеханик Здебловский наблюдал во время их посадки, чтобы они заняли на полу кабины места в том порядке, в каком им нужно будет прыгать с самолета. Каждый парашютист имел при себе взрывчатку, и это обстоятельство настораживало Здебловского.

Когда машина, ведомая Литвиновым, пересекала линию фронта, ее обнаружили немецкие зенитчики. Со всех сторон к самолету побежали разноцветные пунктиры трассирующих пулеметных очередей. Разрывы артиллерийских снарядов вспыхивали и справа, и слева, и по

курсу, и сзади самолета. Что ж, это было обычное приветствие, которым уже не в первый раз встречали немцы самолет Литвинова. Парашютисты, сидевшие на полу кабины, не видели, как разрываются снаряды, но иногда ощущали, как взрывная волна раскачивает громадный корабль. Когда Здебловский, наблюдавший показания приборов, проходил по кабине, один из парашютистов коснулся его руки.

— Можно петь?

И одиннадцать отважных запели.

Литвинов в эти минуты боролся за жизнь корабля. Он маневрировал на высоте и по горизонтали, обманывая немецких артиллеристов внезапными поворотами, подъемами и планированием. Небо кишело рвущимися снарядами и нитями пулеметных трасс.

Когда зона зенитного огня осталась позади, Литвинов спросил Здебловского:

— Как ребята?

— Поют, — улыбаясь, ответил Здебловский.

Литвинов кивнул. Он хорошо знал этих смельчаков-парашютистов, эту бесстрашную молодежь, которую не раз возил во вражеский тыл.

Через несколько минут в пассажирской кабине загорелась сигнальная лампочка, и Здебловский предупредил парашютистов, чтобы они приготовились прыгать.

...У современного самолета много врагов. Но, пожалуй, самый страшный из них — пожар, когда пламя, распространяясь с бешеной скоростью, начинает лизать корпус корабля.

Командир парашютной группы, услышав предупреждение Здебловского, стал подниматься с пола. Он поторопился и сделал лишь одно неосторожное движение, в результате которого фосфорная свеча, лежавшая в его нагрудном кармане, переломилась и запылала. Огонь бился как птица на груди командира, и брызги его летели во все стороны, похожие на перья. Кабина самолета наполнилась удушливым дымом.

А между тем на каждом из одиннадцати пассажиров была взрывчатка. Одна шальная искра — и всему конец. Командир десантников знал это. Он упал плашмя на пол, чтобы собственным телом погасить огонь. Это не помог-

ло. Пламя вырывалось из-под него, и командир представлял собой костер. Вся одежда на нем горела. Но уже горела и обшивка стен, тлели ковры на полу, занялись кипы листовок, лежавшие в кабине.

Вся хвостовая часть пассажирской кабины была уже в огне и дыму, Литвинов знал об этом, но продолжал вести свой самолет по курсу. Бортмеханик Здебловский — это полный, маленького роста человек. Он редко спешит, что, впрочем, не мешает ему быть отличным специалистом.

Но на этот раз Здебловский расстался с обычной манерой поведения. Обжигая руки и задыхаясь в дыму, он схватил горящего парашютиста за одежду и потащил к открытой двери. Парашютист терял сознание. Ожоги его были мучительны. Но он понял, что́ хочет сделать Здебловский, и помогал ему по мере сил. Через полминуты человек-факел был выброшен за борт самолета. Куда-то вниз, назад полетел он и исчез во мраке ночи.

А в это время Литвинов просигнализировал в пассажирскую кабину о том, что цель полета достигнута, что парашютистам пора прыгать. И хотя в самолете все еще бушевало пламя, Здебловский подал команду:

— Пошел!

В порядке заранее установленной очереди прыгнули в темноту десять парашютистов. Все дело заняло несколько секунд. И только тогда бортмеханик начал борьбу с огнем. Пачки горящих листовок полетели в зиявшую черным квадратом дверь. Здебловский ладонями собственных рук накрывал те коварные язычки пламени, которые там и сям прыгали по полу и по обшивке кабины. Через несколько минут, весь обожженный, он вошел в кабину пилота и неторопливо доложил:

— Десант сброшен, товарищ командир. Пожар ликвидирован...

Литвинов посмотрел на него своим спокойным взглядом и, кивнув одобрительно, чуть улыбнулся.

А через два дня летчик и бортмеханик имели удовольствие узнать, что командиру десантной группы, когда он падал, удалось сбить пламя, раскрыть парашют и благополучно приземлиться. Он разыскал свою группу и возглавил ее.

* * *

На долю одной из эскадрилий Н-ской авиачасти выпала почетная и ответственная роль — участвовать в оказании помощи героическим защитникам Ленинграда.

Условия и обстановка здесь были иные, чем те, в которых пришлось действовать в первые недели Отечественной войны. От одиночных полетов надо было перейти к групповым, к полетам строем под прикрытием истребителей.

Опыта таких полетов у командиров кораблей и экипажей не было. Учиться было некогда. Опыт накапливался на боевой работе.

Героизм защитников города спаял весь личный состав эскадрильи единым стремлением — быстрее оказать им помощь. За короткий срок был освоен стиль группового полета, так называемый «клин звеньев». Были тщательно продуманы и разработаны все детали: связь для управления строем, планы действия каждого члена экипажа во время воздушных атак врага, порядок полета строем в плохую погоду, возвращения на базу.

На разработку плана и организацию этих полетов много сил положил командир эскадрильи майор Пущинский. Тщательная подготовка подкрепила самоотверженность личного состава, обеспечила успех операции.

По два рейса в день делали транспортные самолеты — в Ленинград с грузом, оттуда с ранеными бойцами. Дни были короткие. Чтобы успеть сделать два рейса, вылетали задолго до рассвета, возвращались на базу в глубокие сумерки.

Опасность воздушных атак фашистских стервятников поджидала наши самолеты на каждом километре пути. Много примеров доблести, мужества и бесстрашия вписали в историю обороны Ленинграда, в историю Отечественной войны командиры и экипажи кораблей — участники ленинградской операции.

...Четыре вражеских истребителя М-109 атаковали группу наших самолетов в районе озера. Быстро приняв боевой порядок, самолеты мощной огневой завесой не только расстроили атаки врага, но и подбили один вражеский истребитель. Охваченный пламенем, он упал в озеро.

Воздушный бой длился 15 минут. Особенно яростной атаке подвергся самолет пилота Фроловского. Враг действовал коварно. Он хотел оторвать этот самолет от строя. Стрелок корабля Спирин был тяжело ранен, загорелась башня. Самолет продолжал итти в строю. Спирин потерял сознание. Придя в себя, он пытался вновь открыть огонь, но пулемет был выведен из строя. С помощью шлема и куртки Спирин потушил пламя в башне, затем добрался до бокового пулемета и открыл стрельбу. Бортрадист Герасимов хотел заменить Спирина. Увидев, что в башне пулемет поврежден, он добрался до второго бокового пулемета и также открыл огонь.

Самолет получил серьезные повреждения. Был перебит трос левого элерона, пробит масляный бак и пришлось выключить один мотор, были пробиты два бензобака, повреждена гидросистема, пробита камера одного колеса. Несмотря на все это, самолет достиг аэродрома, где пилот Фроловский мастерски посадил израненную машину.

На другом самолете был ранен в ногу стрелок Балад, но и он продолжал вести огонь.

Атака врага была отбита. Все наши самолеты пришли на базу.

... Пасмурный день. Видимость — 200 метров. Местами нет высоты. Сплошной туман до земли. Все условия абсолютно нелетного дня. Эскадрилья получила задание — перебросить подразделение из Ленинграда в район Т. Без этого подразделения задержалось наступление одной нашей части. Погода не остановила пилотов. Во главе группы пошел зам. командира эскадрильи по летной части т. Семенков. Вместе с командирами кораблей Фроловским, Петровым и Моисеевым он блестяще выполнил задание. 200 бойцов и командиров вместе с материальной частью были доставлены по назначению.

Военный Совет Ленинградского фронта объявил благодарность всем участникам этой операции.

Постоянная опасность грозила не только в воздухе. Аэродром, где базировались самолеты, был близко придвинут к линии фронта. Враг нащупал его. Спокойствие, мужество и отвагу проявили экипажи кораблей и люди,

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

сбслуживавшие аэродром во время многократных налетов врага.

Шесть вражеских бомбардировщиков бомбили аэродром в минуты, когда шла погрузка. Командир корабля Скрыльников заменил отсутствовавшего стрелка и открыл огонь по пикировавшему на него Юнкерсу. Бортрадист Чихирева осталась в самолете. Она оказывала помощь раненым пассажирам.

Презирая смертельную опасность, бортстрелок Черствов вел огонь по врагу. В кабине загорелся пол. Черствов потушил пожар, затем помог пилоту Когутенко потушить огонь в бензобаке, который ежесекундно мог взорваться.

Шесть часов длился один из налетов врага на аэродром. Стоял лютый декабрьский мороз. Корабли, вернувшиеся со второго рейса в Ленинград, должны были с рассветом снова итти в рейс. Несмотря на ожесточенную бомбежку, техники и мотористы Коновалов, Фомичев, Егоров, Безруков и другие продолжали работать на самолетах. Погиб на посту техник Егоров. Но все самолеты точно в назначенное время ушли в очередной рейс.

Мы привели эти отдельные эпизоды, чтобы показать условия, в которых личный состав эскадрильи работал на Ленинградском участке фронта.

Каждый полет в осажденный город, каждая встреча с ленинградцами укрепляли силы и стойкость наших командиров, механиков, стрелков. По ленинградцам равнялись наши люди, выполняя задание партии и правительства, великого Сталина, и выполнили его.

* * *

В ходе войны ленинградские летчики санитарной авиации выработали методы и приемы ухода из-под огня воздушного и наземного противника, тактику дневных и ночных полетов в прифронтовой полосе и за линию фронта.

Места базирования подразделений подвергались частым бомбардировкам вражеской авиации, а самолеты в воздухе — нападению истребителей и зенитному обстрелу противника. Суровая фронтовая обстановка научила

командование отрядов оперативно и правильно решать вопросы, быстро преодолевать трудности, связанные с частым перебазированием, с недостатками материалов, запасных частей.

Замечательными мастерами своего дела показало себя большинство пилотов санитарной авиации: орденоносцы тт. Сонин, Сидоряк, Колесников, Иванов, Гаевой, Борисов, Охрименко, Лисикова, Сеньков, тт. Арбузов, Апушкин, Бобарыкин и другие. Эти славные патриоты Родины, не щадя своих сил и самой жизни, невзирая на грозившую им смертельную опасность, мужественно и героически выполняли все задания командования.

Летчик Сеньков один из первых «проложил» трассу в район действия одной нашей армии в тылу врага. Он проявил исключительную изворотливость и смелость, летая над линией фронта, он много раз был обстрелян, но всегда точно приходил в нужные пункты, отлично выполнял задания. Свой опыт полетов в прифронтовой полосе и над линией фронта т. Сеньков широко передает товарищам.

Санитарный летчик Иванов был в воздухе подбит истребителем. Фашистский стервятник продолжал обстреливать самолет Иванова и на земле. В машине были раненые. Иванов под огнем быстро перетащил их в надежное укрытие, а затем на своих плечах несколько километров нес к дороге, откуда на колхозной подводе доставил раненых в госпиталь.

Летчик Гаевой, посланный на выполнение задания, должен был приземлить свой самолет с хирургом на площадке, обстреливаемой минометами противника. В ожидании хирурга, делавшего неподалеку операцию раненому генералу, летчик несколько раз переруливал с места на место, спасая самолет от близко разрывающихся мин. Когда хирург окончил операцию, Гаевой взял его на борт, мастерски взлетел и доставил в следующий пункт.

В сентябре прошлого года летчик Рвачев получил задание совершить посадку на одном из прифронтовых аэродромов. Едва успел Рвачев приземлиться в указанном пункте, как на аэродром налетели вражеские бомбардировщики и начали бомбить его. Необходимо было

немедленно взлететь. Но этого Рвачев сделать не мог, так как в баке самолета было мало бензина, а обстоятельства не позволяли вызвать бензозаправщик. На помощь Рвачеву пришел находившийся рядом летчик Сеньков. Он откачал часть бензина из своего самолета.

Оба пилота своевременно поднялись в воздух и благополучно привели свои машины на базу.

* * *

Чтобы дать представление об условиях полетов санитарных машин по «коридору», который проложили наши войска в глубину территории, занятой немцами, приведем рассказ о полете пилота Сонина.

...Ночь. Черное февральское небо затянуто рваной кисеей облаков. Сквозь разрывы смотрят звезды. По снежному полю шуршит поземка.

В темноте урчат моторы. Кто-то пробует мотор на полных оборотах, и тишина ночи разрывается ровным сильным треском. В темноте вспыхивают несколько огоньков.

Шум мотора нарастает. Он стремительно перемещается с одного конца поля на другой и поднимается в небо. Самолет делает круг над аэродромом, и его бортовые огни горят как звезды. Они покачиваются в темноте неба, покачиваются и гаснут.

— Пошел, — говорит начальник штаба, — 21 час 35 минут.

Сонин ведет свой самолет бреющим полетом. Приборы светятся фосфорическим сиянием, и это единственные светлые пятна во всем окружающем пилота мире...

Внизу с головокружительной быстротой проносятся белые и черные пятна — леса, полянки, озера. Картой пользоваться нельзя. Ориентировка с бреющего полета затруднена до крайности. Разве сверишь ночью карту с темной землей, несущейся назад со скоростью ста двадцати километров в час?

Сонин не смотрит на карту. Он знает все 100—150 километров своего маршрута детально — до церковки, до ручейка, до сторожевой вышки. Через восемь минут справа должна показаться белая церковь. На двадцать пя-

той минуте под самолетом должно лежать озеро. И церковь, и озеро в назначенные сроки появляются и пропадают.

Вот он — фронт. Вспышки орудийных выстрелов, взлеты осветительных ракет, светлые ленты прожекторных лучей.

Огненная линия фронта разрезана темным пятном — это ворота в коридор. Сонин ищет знакомые ориентиры и на полном газе подходит к фронту, к воротам. Длинный узкий коридор нужно пройти точно по центру. Километр в сторону — и самолет попадает под огонь фашистских автоматчиков.

Самолет входит в коридор. С обеих сторон бьют десятки орудий и пулеметов. Огненные трассы пуль — красные, зеленые, белые — стремительно тянутся к самолету. Они скрещиваются над Сониным, образуя над ним яркий мелькающий свод. В светящийся ливень пуль вплетаются розовые разрывы орудийных снарядов. Сонин вплотную прижимает свой самолет к лесу и пробирается под огненным сводом коридора. Моментами ему кажется, что до светящихся дуг трассирующих пуль можно достать рукой. Снаряды рвутся над самолетом, и взрывная волна может бросить самолет на лес.

Огненный свод становится все плотнее, он давит на машину, прижимает ее к земле. Сколько работает пулеметов? Сонин пробует сосчитать трассы пуль, но это ему не удается.

Медленно всплывают в небо осветительные ракеты. Они пылают ослепительно, и при их свете бледнеют фонтаны пулеметных очередей. При свете фашистских ракет Сонин спешит получше ориентироваться. Внизу — центр коридора. Среди леса вьется дорога. Она заполнена колоннами автомашин и войсками. По ней непрерывным потоком движутся в тыл врага боевые подкрепления, пушки, танки, обозы с продовольствием и боеприпасами.

Кинжальные лучи прожекторов режут черное небо и ложатся на лес, стремясь поймать самолет Сонина. Иногда луч лижет плоскость самолета, но срывается и вновь вскидывается вверх.

Медленно ползут минуты. Напряжение этих минут колоссально. Даже в сорокоградусный мороз Сонин выхо-

дил из коридора с влажными пальцами и потной шеей.

Наконец, самолет выскакивает из-под огненного свода. Уже сзади, все отодвигаясь и угасая, зарницами боя вспыхивает небо. Сонин ищет ориентиры и точно выходит к цели. В пункте назначения зажгли огонек. Точный разворот — и лыжи скользят по снегу. В темноте Сонин рулит на светлую точку карманного фонаря. Нужно освободить узкую взлетную дорожку для самолетов, которые идут следом за первой машиной.

Сонин коротко докладывает командиру:

— Восемь ящиков консервированной крови и два ящика медикаментов. Раненых усаживать сейчас.

Следом за Сониным приходят самолеты Борисова, Сенькова, Сидоряка и Романова. Пилоты минут на пять сходятся вместе. Они выкуривают по папироске и делятся впечатлениями. Сидоряк предупреждает о новом пулеметном гнезде в районе ворот, Сеньков рассказывает о примененной немцами новинке — его обстреливали из минометов, и мины рвались над деревьями. Нетерпеливый Борисов торопит:

— Ну, пошли. Сегодня сделаем еще по рейсу.

Пилоты расходятся по самолетам. Они сами усаживают раненых, укутывают их в меховые одеяла.

— Неужели я через час буду в тылу? — спрашивает раненый у Сонина.

— Через два часа будешь лежать на койке в госпитале, и тебя уже успеет выбрить госпитальный парикмахер.

Вот вынырнул из темноты огонек на старте, вот уже свет карманного фонаря в чьих-то руках приглашает Сонина на старт.

Сонин уходит в обратный рейс. Снова под огненный свод коридора. Он спешит. Нужно успеть сделать сегодня ночью еще один рейс.

* * *

Трудно переоценить роль авиации, поддерживавшей транспортную связь между Ленинградом и многочисленными пунктами страны, посылавшими его защитникам все необходимое для упорной борьбы с врагом. Партия и

правительство учли боевые заслуги летчиков, инженеров, авиатехников в обороне города-героя. Многие из них были удостоены высоких правительственных наград. Память о подвигах этих людей будет жить столько, сколько будет жить в народе память о героической обороне города Ленина.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редактор Г. И. Садовников.

Подписано к печати 26/V 1943 г. ЦВЦ № Г250276
Печ. л 0,75. Уч.-изд. л. 1,12. РИО № 95/к.

Тип. РИО Аэрофлота. Москва, Старопанский, 5. Зак. 340

Цена 75 коп.